

ское окружение, автор предлагает некоторые новые этимологические решения. Интересны, например, предположение о связи слав. **spojiti* 'соединить' (не **spojiti!*) со **spěti* (с. 107), а также мысль о родстве **pilьnъ* с **pitěti*, хотя реконструкция глагола типа **pitti* 'заботиться', как признает и сам автор (с. 111), слабо аргументирована. Статья в целом подчеркивает необходимость и сложность разграничения омонимичных корней (и производных от них образований) на самых различных хронологических уровнях, особенно при таком фронтальном рассмотрении славянской лексики, которое предполагается при составлении этимологического словаря славянских языков.

Большой лексический материал собран и этимологически охарактеризован в статье П. Вальчаковой «Чешские названия каш». Работы этого профиля очень существенны для реконструкции материальной культуры древнейшего славянства. Для этимологии особый интерес представляют вскрытые семантические модели (в частности, обилие производных от звукоподражаний).

В разделе *Marginalia* Э. Шарапаткова публикует заметку о семантике рус. *лядвек*: автор обращает внимание на неточность толкования этого слова и родственных, а также рус. *мулить* у некоторых этимологов и при переводах, что иногда приводит к семантически недостаточно обоснованным сопоставлениям (например, *лядвек* с рус. *ляга*, *ослядь*, см. Откупщиков).

В. Шаур предлагает в этом разделе новую этимологию чеш. *náruživýj* 'страстный', толкуя его как родственное со словен. *ružiti* 'лущить, обдирать' и рус. *ружь* (*наружу*), при первичной мотивации 'проявляющийся, явный'. Оставляя в стороне рус. *ружь*, представляется возможным принять связь чешской и словенской лексем как рефлексов слав. **ruž-* 'драть, рвать', но скорее при семантической мотивировке, аналогичной рус. *рвеню* (от *рвать*)⁸.

Интересны наблюдения Г. Плевачевой о возможности романского происхождения с.-хорв. *nōsvica* 'Acipenser Ruthenus L.' (ср. лат. *nasua* 'носатый', от *nasus*).

Е. Гавлова в заметке «*Slam*» предложила убедительную этимологию рус. диал. *слам* 'отступное' как тюркизма (ср. казан.-татар. *aslam*). Это толкование, однако, уже ранее разработано В. И. Абаевым⁹.

Завершая обзор сборника «*Etymologica Brunensia*», следует отметить актуальную направленность разрабатываемой тематики, обширность лексических материалов, глубину разработки этимологических проблем, творческий подход к анализу славянской лексики, что характеризует сборник в целом при бесспорной индивидуальности интересов и идей отдельных авторов и побуждает возлагать большие ожидания на создаваемый этим коллективом словарь. Сборник будет встречен с большим вниманием всеми специалистами по славянской этимологии, которые заинтересованы в том, чтобы брненский сборник стал периодическим изданием.

Ж. Ж. Варбот, Л. В. Куркина

⁸ Ср. обоснование реконструкции праслав. **ruž-*: Варбот Ж. Ж. К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных пмен. V. — Этимология. 1975. М., 1977, с. 34—36.

⁹ Абаев В. И. Из истории слов. I. — ВЯ, 1958, № 1, с. 120—124; *Фасмер* III, с. 666 (дополнение).

Этимологические исследования. Этимология русских диалектных слов. Отв. редактор А. К. Матвеев. Свердловск, 1978 (Уральский ун-т им. А. М. Горького)

С 1960 г. Издательство МГУ не очень регулярно, но выпускало серию Этимологических исследований¹. затем это издание почти или может быть, даже совсем прекратилось. Другие наши вузы специальных сборников по такой тематике не издавали. Уже поэтому начало публикации Уральским универси-

¹ Этимологические исследования по русскому языку, вып. I—VIII. М., 1960—1976.

тотом серии Этимологических исследований найдет живой отклик у широкого круга специалистов, интересующихся проблемами этимологии. За последние два десятилетия в филологической серии Ученых записок и регулярно выпускаемых Уральским университетом сборниках «Вопросы топонимстики» («Вопросы ономастики») опубликовано немало серьезных работ по истории русского языка и диалектологии, финно-угроведению, языковым контактам, топонимике и другим вопросам языкознания.

Несколько статей сборника связаны с проблематикой реконструкции протославянского праславянского лексического фонда. Эти статьи объединяет также стремление авторов вовлечь в круг традиционно этимологизируемых корней и лексем материалы, ставшие известными главным образом из новейших словарей и публикаций собирателей русской диалектной лексики.

Так, в «Заметках по этимологии русской диалектной лексики» Ж. Ж. Варбот затронута проблема реконструкции индоевропейских гнезд, сблизившихся между собой в формальном (материальном) отношении в праславянском языке. Этимологическое толкование диалектизма *жуль* 'жгут; плетка; узел белья' позволит установить состав одного такого гнезда с корнем *žg- и семантическим основанием 'нечто свитое, скрученное' или 'согнутое, скорченное', отнести к нему значительное число славянских слов (в том числе, например, рус. *жу́т* и *Жигули*), отделить это гнездо от гнезда с омонимическим корнем *žeg-/ *žbg- 'жечь' и указать на связь с п.-е. корнем *ghegh- (Pokorny I, 424). К приведенному автором материалу можно добавить старинный польский горняцкий термин *żugulec*, приводимый в толковании 'kotwica do zaczepiania liny u kołowrotu' (Варшавский словарь VIII, 734).

Заметка о диалектизме *пача* 'привычка, обычай' содержит дополнительный материал к опубликованному ранее (Этимология. 1970) очерку, вызвавшему возражения Е. Гавловой². Особенно убедительна приведенная Ж. Ж. Варбот семасиологическая параллель к гнезду *načiti — первоначально 'нести, вести': в гнезде с корнем *ved-/ *vod- также развились производные со значениями 'обычай', 'привычка'.

В. А. Меркулова в статье «Русские этимологии. II» рассматривает три диалектизма: *скрѣвнѣ*, *неотойчивый* и *пон*. Диалектный материал обнаруживает несколько архаических образований, позволяющих расширить представление о семантике праслав. *krojiti, которую сначала автор приводит в виде системы значений 'резать на куски (кожу, материал)', 'резать хлеб', 'откалывать', 'отделять зерно от шелухи, просеивать', затем в виде обобщения — 'разделять на части', едва ли передающего смысл реального слова.

Фиксация в уральских говорах прилагательного *неотойчивый* 'плохо прибывающий в весе при откорме' служит основанием для утверждения о существовании в русском языке глагола *tyti, не зафиксированного другими источниками, а в обских и колымских говорах обнаруживаются два архаизма (*ropъ и *ръпъ 'веревка'), время образования которых относится к праславянскому или протославянскому периоду.

И. П. Петлева, этимологизирующая диалектизмы *процѣдъ*, *процѣдка* 'промах, зевок, ошибка', обращает внимание на закономерность образования слов со значением 'ошибка' от лексем со значениями 'удар, ушиб, порез. . .; драить, резать, бить; кидать, махать', что помогает включить указанные диалектизмы в состав п.-е. гнезда *(s)k(h)ed-, *(s)k(h)e-n-d- 'раскалывать', 'разбрасывать'.

Л. В. Куркина предлагает этимологии просторечного *малогольный*, не имевшего до сих пор этимологического истолкования, и диалектизма *сверёжий*. Довольно распространенное рус. *малогольный* (ошибочно фиксируемое последним изданием Орфографического словаря как *малагольный*) имеет широкий круг соответствий на славянской почве, восходящих к п.-е. *ml̥k-. *Сверёжий*, отмеченное диалектными словарями в значениях 'бойкий, расторопный', 'своеправный, непокорный', 'дюжий, крепкий, дородный, видный', по мнению автора, не имеет ничего общего ни с контаминацией прила-

² Sborník prací filozofické fakulty Brněnské Univerzity. Ročn. XXII, řada jazyková (A), 21. Brno, 1973, с. 100.

гательных *свежий* и *тверёзый* (М. Фасмер), ни с гнездом **sur-* (В. А. Меркулова³), а входит в этимологическое гнездо слов с корнем **ver-*.

Л. В. Доровских рассматривает диалектизм *истальный* 'целый' в составе словообразовательной модели: *достати* — *достальный* — *досталь* — *достальной*; *остаи* — *остальный*. . . и т. д. Из «отсутствующих» звеньев словообразовательной цепочки два можно обнаружить в СлРЯ XI—XVII вв.: *достальный* — в вып. 4, с. 336⁴ и *истати* (*истати*) — в вып. 6, с. 311. Соответственно, отпадает предположение о протетическом *и-* в прилагательном *истальный*.

В. А. Чернов, прослеживая распространение в диалектах и арго слов с корнем *гальям-/голям-*, считает наречие *голямо* болгаризмом, проникшим в диалекты центра России через посредство ремесленно-торговых жаргонов.

В ряде статей сборника использованы ценнейшие материалы картотеки Севернорусской топонимической экспедиции Уральского университета. Так, О. В. Востриков исследует три субстратных слова в русских говорах Костромской области: *сорвез* 'хариус', *тохта* 'гнилое дерево, гнилая сердцевина дерева', *шохра* 'гнилой, низкорослый лес на болоте' (ср. распространенное *согра*). Фонетический анализ и картографирование слов, по мнению автора, подтверждает наличие значительного севернофинского субстрата в топонимике и лексике севернорусских говоров определенных территорий⁵. Пользуясь случаем, укажем, что наряду с многочисленными фиксациями слова *согра* в памятниках XVII в., относящихся к Ваге (например: *согра емъ* чистити где годитца⁶), имеются примеры с иным расположением согласных в группе *-ар-*, таким, как в марийском *шӱрӱб, шӱргы* 'лес': да *согра моъ* болшаа меж Никольскоу землею и Коптжковую да поле в той же *согри* в старои рѣки возле Никольскую землю. Купчая 1570 г., Ижма⁷; а Григорю. . . досталас. . . оу Шомжкши *согра*. «Дело» 1570 г.⁸

В статье А. К. Матвеева, посвященной диалектизму *чильма*, уточнена семантика слова — 'глубокая яма (окно) на болоте', 'трясина', установлена зона его распространения и с помощью методических приемов этимологического моделирования⁹ установлено саамское происхождение слова.

Л. Г. Гусева в заметке «К этимологии русских диалектных слов с начальными компонентами *rap-* и *rop-*» выводит слова подобного рода, обозначающие различные лесные заросли, из прибалтийско-финских и саамских данных.

Статья Л. А. Субботиной «Займствованная лексика в русских говорах Прикемья» трактует в историко-этимологическом плане субстратные слова прибалтийско-финского или саамского происхождения в русских говорах западных районов Вологодской области.

Подробные этимологические сведения об отдельных словарных единицах на солидном диалектном (русском и обско-угорском) фоне дает статья Т. Н. Чайко «Новые данные об обско-угорских заимствованиях в русских старожильческих говорах по нижнему течению Иртыша».

В статье Л. С. Безручко «Тюркские заимствования в русском старожильческом говоре Пий-Хемского района Тувинской АССР» в термин «тюркизм» вкладывается слишком широкое понятие. Для русских говоров едва ли можно считать тюркизмом, например, слово *корчага*, известное почти всем славянским языкам (с различиями в семантике) и представляющее собой в говорах древнерусское (а то и праславянское) наследие. По географическим

³ См.: Этимология. 1964. М., 1965, с. 80—81.

⁴ К приведенным в Словаре примерам можно добавить из рукописей Гос. архива Архангельской обл. (ГААО): а в *досталои* огороде емъ старцъ самоеъ вѣдѣтца (ф. 792 Каргопольского монастыря, оп. 1, № 62, Выпись 1630 г.); досталоъ тог отводног жита ишло. . . (ф. 56 Антониева Сийского монастыря, оп. 3, № 9, прих.-расх. кн. 1638—39 г.).

⁵ Матвеев А. К. Происхождение основных пластов субстратной топонимии русского Севера. — ВЯ, 1969, № 5.

⁶ ГААО, ф. 829, оп. 1, № 963, Порядная 1610 г.

⁷ ГААО, ф. 1408, оп. 1, № 5.

⁸ ЦГАДА, ф. 1201 Соловецкого монастыря, оп. 4, № 1.

причинам широко распространенное в русских говорах Европейской России слово *кулага* 'густой напиток, приготавливаемый из пророщенного зерна' едва ли может быть тюркизмом по сопоставлению с южносибирскими тюркскими названиями хлебных всходов, ростков типа тобол. алт., тел. *қулаға* (*qulğa*), хакас. *хулға* (*xulğa*).

Большая статья Г. В. Глинских «Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде» фактически представляет собой этимологический словарь такого рода топонимов с опорой на абильный мансийский диалектный материал и без этимологизации соответствующих мансийских апеллятивов. Так, при анализе речных названий типа *Агарья*, *Агра*, *Агрел*, возводимых к манс. *ауьг* 'водоворот', было бы желательно сопоставить последний с чуваш. *авӑр* (из **ауьг*) с тем же значением для выявления булгарско-мансийских связей. Для гидронимов *Ку́мба*, *Побныня*, *Ялом*, возводимых у Г. В. Глинских к манс. апеллятивом *хул(у)п*, *пон*, *йӧлм* и т. п. со значением 'сеть, невод', следует предположить промежуточную семантическую ступень 'место рыбной ловли, тоня', возникшую на базе значения 'орудие для рыбной ловли, невод'. Это название невода восходит к тюрк. *йылым* (от *йыл*- 'ползти'), которое было заимствовано также и в ряд других языков, приобрета и в них значение рыболовного угодья, тони. Именно такое значение имеет ст.-рус. донское *ильмъ* в цитате: «Бирали. . . котлы большие, неводы и нити на *ильмы* рыбные» (Дон. д. IV, 348), ср. в Сл. РЯ XI—XVII вв., вып. 6, 224: «небольшой невод». Более ярко значение 'рыболовное угодье, тоня' проявляется в Хожени кушца Ф. А. Котова в Персию, 1624 г.: «по русскому тоня а в Астрохани зовут *ильмъ*». Ср. также чуваш. *йӧлӧм* 'пойма, луговая сторона Волги, заволжский сосновый лес'⁹. В связи с наличием у названий невода вторичного значения 'рыболовное угодье' их употребление применительно к рекам вполне возможно и без номенклатурного компонента (географического термина).

Случаи разной этимологической трактовки одного слова в пределах сборника (слово *щерба* 'уха' толкуется то как болгарско-славянское на с. 41, то как тюркское заимствование на с. 98—99) должны быть соотнесены.

Сборник вводит в этимологическую практику большой фактический материал в квалифицированной обработке и весьма способствует выяснению источников русской диалектной апеллятивной и топонимической лексики.

Судя по первому сборнику, новая этимологическая серия обещает быть интересной.

В. Я. Дерягин, И. Г. Добродомов

⁹ Ср. несколько иначе: Добродомов И. Г. Пути проникновения булгарских элементов в славянские языки. — В кн.: Тюркизмы в восточно-славянских языках. М., 1974, с. 39—40.

O. Szemerényi. Studies in the kinship terminology of the Indo-European languages with special reference to Indian, Iranian, Greek and Latin. — Acta Iranica. Textes et mémoires, V. VII. Extrait. Édition Bibliothèque Pahlavi. Téhéran — Liège, 1977

Несколько раньше выхода этой своей обобщающей монографии об индоевропейских терминах родства О. Семереньи писал в статье на близкую тему: «Оживление вокруг системы индоевропейских терминов родства, которая вызывала столько интереса в прошлом столетии и еще в начале этого столетия, постепенно как будто затихло. Еще выходят различные исследования большего или меньшего объема, но речь в них идет едва ли о приобретении новых знаний, а самое большее — о новых интерпретациях (антропологического толка) уже известных данных. И, однако, в этой области, есть, как мне кажется, еще много проблематичных моментов, которые ждут разъяснения и даже дают решение в руки, если строго соблюдать аспекты и требования сло-